

Д. Левин

НЕКОТОРЫЕ КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В РАБОТАХ ЗИММЕЛЯ *

Левин Дональд — профессор Чикагского университета (США).

---

* Публикуются фрагменты докторской диссертации Дональда Н. Левина, которая была представлена в Чикагском университете в 1957 г.: Levine Donald N. Some Key Problems in Simmers Work // George Simmel / Ed. by Coser L. A., Englewood. Cliffs, N. J.: Prentice Hall, 1965. P. 97—115.¹

Корпус работ Зиммеля можно условно разделить на три части, в соответствии с тем, под каким углом зрения в них анализируется все, что относится к человеку. Зиммель в этой связи говорил об «индивидуальном», «социальном» и «объективном». Под <рубрикой> «объективная культура» собраны его многочисленные труды по этике, эпистемологии, эстетике и метафизике, комментирование которых не входит в наши задачи. В число исследований, рассматривающих индивидуальную личность, следует включить сочинения, посвященные нескольким историческим фигурам (главные из которых — Микельанджело, Гете и Рембрандт), а также попутные замечания, раскрывающие теорию личности в ее сыром, рабочем виде. Изучая великую личность, Зиммель стремился раскрыть внутреннее единство, форму или сущность, «формулу судьбы души», которая лежит в основе различных содержаний и проявлений жизни субъекта. Зиммелевская теория личности, как и большинство предшествующих психоанализу концепций, ограничивается психологией Я (ego). В ней доминируют два образа. Один репрезентирует Я (self) как единство, порожденное взаимодействием психических элементов, в точности так же, как

---

¹ Для удобства читателя, помимо специально оговоренных случаев, мы сняли из текста ссылки Левина на американские издания Зиммеля и осуществили перевод непосредственно с немецких оригиналов, сверив цитаты по Полному собранию сочинений. Сложности перевода обусловлены тем, что Левин иногда приводит не буквальное описание некоторых зиммелевских «форм», а вычленяет их из контекста в соответствии со своим пониманием. В этих случаях приходилось реконструировать то, что он имеет в виду. Другая сложность — использование Левином двух различных английских слов, когда по-немецки это передано Зиммелем одним словом (например, «ego», «self», «Ich» переводятся одинаково: Я). Нередко одним и тем же английским словом передаются два немецких. Пример — «association». У Зиммеля — «die Association». В ранних работах им чаще обозначается понятие, для которого позднее Зиммель ввел термин «обобществление»; однако речь идет и об «ассоциациях», и об «обществе». Но последнее Левин передает как «association». Другой пример — «aristocracy». Зиммель использовал понятия «die Aristokratie» и «der Adel», причем второе может означать и дворянство, и вообще «благородное сословие». У Левина это различие не проведено. В переводе сделана попытка отразить и концепцию Зиммеля, и особенности американских переводов, и точку зрения автора статьи. — А. Ф. Филиппов.

формы, рассматриваемые социологией, являются единствами, порожденным взаимодействием социальных элементов. Другой образ, более специфичный и чаще используемый, представляет личность как «разделенную» на центр и периферию.

«Жизнь нашей души,— если говорить свойственным всякой психологии символическим языком,— кажется двуслойной: один из слоев глубинный, его трудно или даже невозможно привести в движение, он несет действительный смысл или субстанцию нашей жизни; тогда как другой состоит из сиюминутных импульсов и разрозненных возбуждений» [1, S. 242].

«Некоторые отношения Я к его содержанию можно обозначить, только используя образные символы дистанции между ними, вполне определенной или меняющейся. ...Мы подразделяем наше внутреннее существование на центральное Я и располагающиеся вокруг него содержания» [2, S. 536].

Чем разнороднее содержание периферии, тем живее проявляется форма внутреннего единства.

«Конфликтующие между собой тенденции могут возникнуть просто потому, что у индивида есть центр внутреннего единства» [1, S. 414]. Я может тем яснее осознавать это единство, чем чаще оно сталкивается с задачей примирить внутри себя разнообразные групповые интересы².

«Только посредством частого чередования [периферийных] содержаний Я раскрывается для сознания как неизменный центр в потоке психических феноменов» [1, S. 761].

Вот некоторые другие вопросы относительно личности, рассматриваемые Зиммелем: привлекает ли индивида в большей степени тот, кто схож с ним, или тот, кто не похож на него; насколько сильно или слабо Я; [и является ли оно] более однородным или более дифференцированным³.

Формы социального взаимодействия стали третьей темой работ Зиммеля; они могут быть распределены по следующим рубрикам: социальные процессы, социальные типы и модели развития. Перечни этих форм — лишь набросок социологических проблем у Зиммеля. Значение многих используемых им понятий становится ясным только в контексте. Названия проблем мало что дают для понимания тех особых вопросов, которые здесь обсуждаются. (...)

Под *социальными процессами* понимаются относительно простые, стабильные конфигурации социального взаимодействия. Вот основные социальные процессы, которые рассматривает Зиммель:

В работе «Uber soziale Differenzierung» («О социальной дифференциации»):

Перенос индивидуальной вины на коллектив.

Групповое принуждение и солидарность (как функция размера группы и (ее) отношений с посторонними).

² Левин цитирует Зиммеля по переводу в кн.: *Simmel G. Conflict and the Web of the Group*. N. Y., 1955. P. 142. Мы указываем на американский источник, поскольку в данном случае немецкий текст резко отличается по смыслу: «именно потому, что личность есть единство, она может принимать в расчет противоречия; чем более многообразны сталкивающиеся в нас и желающие прийти к согласию групповые интересы, тем более решительно будет осознавать Я свое единство». — А. Ф.

³ Множество острых замечаний о психологии Я разбросано в работах Зиммеля: *Conflict...* op. cit. pp. 38, 49, 122, 153; *Die Philosophie des Geldes*, op. cit. S. 529. *The Sociology of Geoiß Simmel/Ed. by Wolff K. H.* New York: Free Press, 1950. PP. 137, 217, 230, 326.

Элементарное коллективное поведение («социальный уровень»)
Образование партий, приверженность партии⁴.
Разделение труда.

В книге «Philosophie des Geldes» («Философия денег»):

Формы изменения владения (кража, подарки, взаимный обмен, санкционированные традицией «дары» и обмен, торг, обмен по установленным ценам).

Деньги.

Репрезентация.

Форма двойного отношения: два феномена, возникающие из одного и того же основного мотива, стремятся к взаимному усилению и к подавлению одного другим.

Концентрация энергии.

Формы полностью рационализированного порядка.

Независимость личности в межличностных отношениях.

Участие в обобществлениях, не включающих личность целиком.

Взаимное ограничение обеих сторон отношения и превращение ими друг друга в чистое средство.

Интенсивность противоречия между сторонами, имеющими общее происхождение.

В работе «Soziologie» («Социология»):

Формальные характеристики малой группы

Формы малых групп (социалистические общины, религиозные секты, аристократии).

Масса.

Отношения индивида к нормам группы (обычай, закон, честь, индивидуальная мораль).

Численность как основа организации группы.

Социальная партия.

Изоляция.

Свобода в форме освобождения от связей, власть над другими.

Диада.

Моногамный брак.

Обобществление трех и более членов (группы).

Примирение через посредника.

Divide et impera (разделяй и властвуй).

Подчинение одному вождю.

Оппозиция правителю.

Обращение к высшему суду.

Объединение через общее подчинение (выравнивание, градация).

Восходящая градация.

Одновременное господство и подчинение.

Подчинение группы своему члену, а не постороннему.

Подчинение множеству, когда оно: а) объединено, б) дезинтегрировано, в) стратифицировано.

Подчинение идеальным нормам.

Формы индивидуального подчинения группе (социальное давление, интернализованные социальные нормы, объективная мораль).

Подчинение правителем своего Я закону, созданному им самим.

Договор.

Свобода малой группы внутри большой.

Поглощение мобильной верхушки подчиненной группы господствующей группой.

⁴ Зиммель, а вслед за ним и Левин, говорят не столько о современных политических партиях с формальным членством и фиксированной структурой, сколько о противоположных *сторонах* и приверженности противоположным сторонам и подходам. Иногда это удобно именно так и переводить «сторона». В данном случае мы оставляем «партия», учитывая, что и до сих пор так иногда говорят по-русски: «партии разделились». В других случаях «party» переводится как «сторона». — А. Ф.

Конфликт.
 Объединение.
 Ненависть «врага группы»
 Ревность.
 Зависть.
 Скупость.
 Конкуренция.
 Соперничество.
 Объединение через конфликт.
 Формы прекращения конфликта (исчезновение предмета конфликта, победа, компромисс, примирение).
 Непримируемость.
 Доверие.
 Знакомство.
 Тактичная сдержанность.
 Тайна.
 Украшение.
 Тайное общество.
 Письмо.
 Конфедерация ассоциаций.
 Кооптация.
 Наследственная должность.
 Облегчение или затруднение членства в группе (доступа в нее или выхода из нее).
 Честь.
 Орган группы.
 Основные формы устойчивости группы (жесткость и консерватизм, гибкость и либеральность).
 Верность.
 Благодарность.
 Граница.
 Установленное местоположение как центр активности.
 Свидание.
 Группа меньшинства.
 Странствие.
 Соотносительные формальные категории, применимые к любому процессу (первичный индивидуальный элемент, узкий круг, широкий круг).

В работе "Philosophische Kullur» («Философская культура»):
 Мода.
 Кокетство.
 Любовь.
 Игровые формы обобществления.
 Общительность.
 Социальные игры.
 Беседа.

Если рассматривать обобществление не с точки зрения всеобъемлющего процесса взаимодействия, а сконцентрировать внимание на типических характеристиках личности, вовлеченной в различного рода взаимодействия, мы получим картину особых социальных типов. Помимо обсуждения конкуренции, например, можно говорить о *конкуренте*, можно обсуждать *кокетку*, равно как и *кокетство*. [Одна] перспектива раскрывает инвариантные структуры социального опыта; [другая] — многообразие форм, воспринимаемых человеческой природой в качестве социальных. Зиммель легко переходит от одного рода обсуждений к другому. Часто он считает целесообразным описать формы взаимодействия с более выгодной позиции социального типа. Действительно, в некоторых случаях это необходимо, ибо порой характеристики элемента, которые могут возникнуть только в отношении между

этим и другим элементом ... становятся существенными качествами данного элемента, не зависимыми от всяких взаимодействий» [1, S. 214].

Основные *социальные типы*, рассматриваемые Зиммелем:

В работе «Философия денег»:

Наименее вовлеченная сторона отношения.

Формы, обусловленные отношением индивида к деньгам (скупой, скряга, мот, бедняк, циник, скептик).

В работе «Социология»:

Посредник.

Непримкнувший ни к одной из сторон.

Арбитр.

Terfius gaudens (третий радующийся) (пассивный — наслаждающийся преимуществами, случайно дарованными (ему) одной из конфликтующих сторон; активный — использующий паралич сил, или поддерживающий одну из сторон).

Начальник.

Подчиненный.

Отступник.

Сторонник средней линии.

Священник.

Купец.

Женщина.

Бедняк.

Буржуа.

Чужой.

Аристократ.

В работе «Философская культура»:

Авантюрист.

Модный герой.

Женственность.

Мужественность.

Формы юности и старости.

Гений.

Кокетка.

Профессионалы с незначительной специализацией, но относительно высоким статусом (юрист, продавец, домохозяйка).

Модели развития — это более сложные, диахронные формы, часто используемые Зиммелем для обоснования отдельных рубрик.

В работе «О социальной дифференциации» они включают:

Дифференцированный прогресс родственных форм.

Появление групп индивидов со сходными интересами, вышедших из различных окружений.

Социальная дифференциация и ее последствия.

Сходство форм на первой и последней стадии любого развития.

Модель (группа Г раскалывается на фракции g_1 и g_2 , которые могут воссоединиться обратно в Г, перенося свои доктринальные различия в область индивидуальных предпочтений).

В работе «Философия денег»:

Тенденция проводить различие между формой и содержанием и затем переходить к оценке формы.

Удлинение телеологического ряда для достижения того, что находится в непосредственной близости.

Тенденция публичного становиться еще более публичным, а частного — еще более частным.

Дифференциация единого состояния: одна часть несет в себе характеристики изначального целого, а другие части отличаются от него.

Дифференциация «не посредственного единства» на отдельные элементы, которые впоследствии соединяются в более интеллектуальный и всеохватывающий синтез.

В работе «Социология»:

Два способа стремления к социальному прогрессу: а) упразднение существующих форм, б) улучшение внутри этих форм. Развитие социальной организации от локальной к функциональной основе.

Развитие функциональной организации от основывающейся на «внешних, механических» критериях к базирующейся на рациональных критериях.

Развитие образцов поведения от осмысленных к механическим, которые приобретают смысл, будучи организованы во имя некоей высшей цели.

С увеличением группы число общих для ее членов черт, которые помогают сплавить их в социальное единство, уменьшается, а требования относительно поведения членов приобретают в большей мере запретительный характер.

Для сохранения группы существенно важны внутреннее развитие и чередование состояний мира и конфликта.

Индивидуальность бытия и поведения среди индивидов увеличивается прямо пропорционально расширению социальной группы.

Стратегические проблемы

Последние отобраны так, чтобы обозначить наиболее важные вопросы, которые рассмотрены в трудах Зиммеля, малоизвестных англоязычному читателю. Среди этих вопросов — мода (периодический социальный процесс), аристократ (социальный тип), социальная дифференциация (модель развития) и его излюбленная идеологическая тема — свобода.

Мода [3]. Зиммель начинает эссе о моде⁵ характерными для него рассуждениями о некотором аспекте жизни вообще, чтобы определить точку, отправляясь от которой он мог бы более или менее прямо перейти к теме обсуждения. Эта особенность стиля Зиммеля получила наименование «окольного пути». В данном случае то, с чего он начинает,— дуалистическое состояние жизни: дуализм, который не может быть воспринят непосредственно, его можно только почувствовать в индивидуальных контрастах, отмечающих наше существование.

Затем дается обзор целого ряда таких индивидуальных контрастов от психологических потребностей в движении (покое) через метафизические понятия плюрализма (монизма) до политического контраста индивидуализма (социализма). История общества рассматривается как игра противоположных тенденций; для индивида это — растворение себя в группе и, напротив,— выделение себя из группы. Подражание — процесс, который служит первой тенденции; индивидуализация — средство и материал для второй.

Мода — это форма, сочетающая в себе как подражание, так и

⁵ Перевод на англ. яз. появился в: American Journal of Sociology. LXII (May, 1957). PP. 541—559. Стремясь рассмотреть социальный процесс, который был бы типичным для Зиммеля и в то же время стратегическим в его мышлении, мы вначале хотели использовать эссе о конфликте. Это эссе — один из его основных вкладов в социологию — имеет важное значение в теории. «Конфликт» раскрывает его понятие общества как взаимного обмена действиями, значение близости и дистанции в человеческих отношениях, структурную важность дуализма. Зиммель также определяет целый ряд менее абстрактных форм, относящихся к общему процессу конфликта. Однако это эссе уже было пересказано по-английски Спайкменом, полностью переведено Вулфом и подробно проанализировано Козером. Считаю более целесообразным представить материал, с которым читатель менее знаком.

индивидуализацию. Благодаря разнообразию содержаний, которые она успешно усваивает, обозначая границы особого класса, мода удовлетворяет потребность индивида выделиться. Что касается классовой принадлежности, то мода в этом отношении сходна с честью — еще одной формой, которая наделяет общим характером членов группы и в то же время отличает их от тех, кто не принадлежит к данной группе. Этот чисто формальный социальный мотив лежит в основе феномена моды, о чем свидетельствует тот факт, что усвоение моды зачастую не имеет ни объективных, ни эстетических, ни каких бы то ни было иных целесообразных оснований. Судя по тем отвратительным вещам, которые иногда входят в моду, может показаться, будто мода хочет проявить свою власть, заставляя нас усваивать самое ужасное только ради нее самой. Приводимые ниже примеры показывают, что и подражание, и дифференциация — неизменные компоненты моды. В изолированных, примитивных, однородных обществах мало интересуются различиями, а потому — и модой. Точно так же не существовало моды среди венецианских нобилей: они одевались в черное, чтобы не привлекать внимания к своей малочисленной группе и тем самым выражали отсутствие потребности отличать себя от остальной публики. Во Флоренции в конце треченто не было какой-либо господствующей моды в мужском одеянии: каждый сам создавал свой стиль. мода отсутствовала, поскольку не было установки на коллективность.

Высший класс, более других жаждущий сохранить свою внутреннюю солидарность и в то же время отличиться от остальных слоев, порождает новые образцы моды. Продвигающиеся «наверх» люди находят в моде идеальное средство для подражания и отождествления себя с высшим классом. Когда мода усваивается и за пределами породившего ее класса, последний создает новую моду. Этот процесс повторяется *внутри* высшего класса. По мере снижения классовых барьеров и увеличения богатства среди населения, этот процесс становится все безудержнее.

Фронт задает стиль, а им руководит новая мода. Противник моды представляет ту же самую форму, но с отрицательным знаком. Индивид, следующий моде, получает удовлетворение от самого знания, что он репрезентирует нечто особенное и необычное, и в то же время он ощущает поддержку со стороны тех, кто стремится к тому же. Ему завидуют как индивиду, и его одобряют как члена группы. Таким образом, мода — это идеальное поприще для людей зависимых, но претендующих на определенную неординарность.

Как только какая-нибудь мода становится повсеместно принятой, она начинает умирать. Своим очарованием мода обязана этой особенности: она одновременно и новинка, и нечто преходящее, она — «граница» между бытием и небытием. В своем высшем проявлении мода передает необычайно сильное чувство настоящего, она обостряет и ощущение перемен. Другая причина власти моды в наше время заключается в том, что великие, неизменные, безусловные истины постепенно теряют силу, в результате преходящие элементы жизни обретают больший простор для своей деятельности. Так растет влияние моды на вкус, теоретические убеждения и даже на моральные основания жизни.

Женщины в целом больше привержены моде, ибо она

предоставляет им средство добиться некоторой индивидуации, чему в других случаях препятствует их подчиненное положение. Мода позволяет им добиться и статуса, который оспаривается ввиду отсутствия у них призвания или профессии.

Есть и другие потребности, для удовлетворения которых особенно пригодна мода как форма. Находясь на периферии личности, она служит маской для утонченных и неповторимых людей. Слепое подчинение общепринятым стандартам становится у них средством оставить при себе проявления своих чувств и вкусов. В свою очередь, слабые и застенчивые натуры, уязвимые настолько, что испытывают унижение и робость при малейшем самораскрытии, хватаются за моду как за вид коллективного поведения, в котором чувству стыда нет места. Наконец, поскольку мода касается лишь внешней стороны жизни, она предоставляет индивиду простой способ выразить солидарность со своим временем и обществом и тем самым позволяет воспользоваться свободой, даруемой лишь раз в жизни, для внутренних, более важных целей.

Мода как межличностный феномен имеет определенное соответствие внутри личности. Обе тенденции — к уравнивающей унификации и к индивидуальному обособлению — можно обнаружить у индивида, когда он создает личный стиль, способ собственного поведения, в котором проявляется образец — возникновение, период влияния и упадок — социальной моды. Можно сказать, что личная мода — это крайний случай моды социальной. Промежуточное место между этими двумя феноменами занимают такие случаи, когда индивид (обычно — член узкого круга) прилагает излюбленные понятия ко всем объектам без различия, в рамках своего кругозора. Подводя, таким образом, все и вся под определенную категорию, люди приобретают ощущение власти...

Общий ритм движения групп и индивидов имеет важное значение в их отношении к моде. Низшие классы трудно сдвинуть с места, они медленно развиваются, тогда как высшие осознанно консервативны, а зачастую и архаичны. Ни один из них не в состоянии быть благодатной средой для капризов моды. Мода, скорее, поприще среднего класса с его переменчивым и неутомимым ритмом жизни. Поэтому возвышение *tiers etat* (третьего сословия) стало причиной оживления и распространения моды; другой причиной было то, что частая смена моды, предполагающая подчинение индивида, является необходимым дополнением к социальной и политической свободе: «Человеку нужен недолговечный и эфемерный тиран, как только он освобождается от постоянного и абсолютного» [3, S. 34].

Несмотря на всю мимолетность каждой конкретной моды, модные сегодня предметы, кажется, сулят определенное постоянство. Это потому, что сама по себе мода (как социальная форма) бессмертна; нас всегда сопровождает та или иная мода. Во множестве случаев это бессмертие более чем символично, например, когда модные в прошлом вещи, пролежав какое-то время в забвении, снова входят в моду.

Хотя сила моды велика, она не может с одинаковым успехом использовать все объекты. Некоторые вещи легко становятся модными, так же как и некоторые природные объекты всегда готовы стать материалом для искусства; другие же оказывают

сопротивление. Все «классическое» относительно далеко отстоит от моды и чуждо ее духу. Напротив, все вычурное и нарочитое предрасположено к моде. И хотя мода как форма естественна для человека, совершенно неестественное прекрасно живет в форме моды.

Аристократ. Природа аристократии — это проблема, которая не только показывает, о каких родах вещей говорит Зиммель, имея в виду социальный тип, но и тема, постоянно повторяющаяся в его рассуждениях. Зиммель был одним из тех, весьма немногих, социологов, которые проявляли огромный интерес к различиям качеств и опыта людей. Очень часто он говорит о тонких натурах, более чувствительных индивидах, решительных личностях. Этот интерес к человеческой элите тесно связан с интересом к элите социальной. В «Экспурсе о дворянстве» [1, s. 732—746]. Зиммель стремится определить формальное положение последнего, в особенности в монархиях.

Форма аристократии зависит в первую очередь от ее характера как промежуточной структуры (*Zwischengebilde*). Речь об этом идет в двух планах: горизонтальном — (аристократия располагается) на полпути между индивидом и более широким социальным кругом; вертикальном — на полпути между правящей властью и множеством политических и социальных групп. И хотя в обоих этих отношениях она напоминает буржуазию, аристократия отличается тем, что закрыта «сверху» и «снизу». Войти в ряды знати обычно очень сложно. Выйти из этих рядов также нелегко, но если уж это случилось, то окончательно и бесповоротно. Столь резкое социальное отграничение аристократии выражено двумя условиями: аристократ может делать то, чего другим не позволено, и он не может делать того, что другим разрешается.

Ясно, что этот формальный характер вытекает из условий взаимодействия среди аристократии. Точно такая же структура обнаруживается во множестве групп — в Древнем Риме, при норманах, при *ancien regime*, и в «аристократиях» таких малых коллективов, как трудовые группы, большие семейные кланы и духовенство. Эта однородность формально-социологического положения усугубляется склонностью аристократов разных стран заключать браки между собой, вопреки традиционному локализму аристократических групп, и примерами, когда связи между знатью обеспечивали своего рода сообщество наций, в противном случае разрозненных.

Далее в ходе анализа мы обнаруживаем, что социологическая форма, составляющая особенность аристократий, берет начало в своеобразном отношении между общим социальным содержанием группы и индивидуальным существованием ее членов. Каждый аристократ принимает участие во всем и пользуется всем, что есть ценного у всех членов группы вместе взятых. Словно бы субстрат вечной ценности течет в крови многочисленной аристократии, из поколения в поколение. Исторически аристократии были в оппозиции к политической централизации как принципу, противоположному их собственной наследственной основе. Если доступ к высшим почестям и отличиям по праву наследования оказывается запрещен (как в России до царя Федора), то тем самым предотвращается формирование аристократического класса. Чтобы

обеспечить непрерывность своего «ценностного субстрата», в аристократиях настойчиво утверждается требование брака между равными по рождению. А это, в свою очередь, закрепляет их закрытый, самодостаточный характер, которому, помимо холеного вида и изысканных манер, аристократия обязана присущей ей эстетической привлекательностью.

Значение генеалогического древа для аристократической фамилии заключается в том, что оно указывает: сущность, формирующая данного индивида, — действительно та самая, что отличает целый ряд знатных предков. Ревностное отношение к собственной неприкосновенности может объяснить отвращение аристократа к труду, который, помимо всего прочего, требует полного растворения Я в объекте труда. Свойственные аристократам виды деятельности (война и охота) предполагают главенство субъективного фактора. Работа художника, состоящая в стремлении выразить движения души субъекта, — наиболее близкая аналогия аристократической деятельности; но в ней находит выражение индивидуальность, а не унаследованная от семьи и класса общая сущность.

Мотивы превосходства и социальной исключительности predisполагают аристократические группы к таинственности как способу отгородиться высокой стеной от посторонних. Замечено, что таинственность всегда числилась среди признаков политической аристократии — точно так же, как демократический принцип, напротив, ассоциировался с принципом публичности. Тем не менее, действуя как индивид, аристократ презирует скрытность, ибо уверенность в себе делает его безразличным к мнению других.

Однако самое существенное состоит в том, что вся констелляция накопленных и традиционных ценностей, противопоставляющая человека благородного происхождения (всем остальным), не имеет объективного, надиндивидуального значения. Эти ценности вполне проявляются только в самодостаточном и самоуверенном существовании отдельных аристократов. Аристократия, таким образом, представляет своеобразный синтез двух крайних состояний — когда индивид поглощается своей группой и когда он, независимый, стоит в оппозиции к ней. Традиция, бремя которой должен нести аристократ, требует от него силы и независимости, равно как и ответственности. Когда же личность аристократа слишком слаба, простое следование традиционным формам завершается декадансом.

«Строгость сословной формы жизни, создающей широкую область контактов среди знати; требование равных браков, дающих физиологическую гарантию качественного и исторического единства сословия; традиции, без потерь аккумулирующие ценности и достижения семьи и сословия,— с помощью этих социологических средств аристократия сплавляет своих членов в коллектив до такой степени, какая при других условиях недостижима. Но смысл и цель возникшего таким образом надличного образования (в куда большей мере, чем какого-либо иного) состоит в существовании индивидов, в их энергии и значении, в свободе и самодостаточности их жизней» [1, S. 746].

Социальная дифференциация. Дифференциация как состояние социальной организации, как разделение труда в любой из его форм имеет, подобно конфликту или моде, статус периодического

процесса. Если же ее рассматривать диахронно, как возникновение из однородного и унифицированного состояния, то ее можно отнести к моделям развития. В этом смысле социальная дифференциация представляет собой основную модель развития в теории Зиммеля (да, пожалуй, и наиболее значительную тему во всей литературе по социальным наукам).

На самом абстрактном уровне Зиммель любит показывать, как некоторый общепринятый дуализм произошел от изначально недифференцированного состояния (*Indifferenzzustand*). Познание, например, у детей и примитивных народов начинается лишь как осознание впечатлений и идей. Различение познающего субъекта и познаваемого объекта происходит как позднейшее развитие этой изначальной целостности. Точно так же в сфере воли различие между вожделеющим субъектом и желанным объектом следует, логически и психологически, за целостным опытом чистого наслаждения.

Зиммель применяет анализ такого рода в двух главах: «Расширение группы и формирование индивидуальности» и «О скрещении социальных кругов» (они включены в работы «О социальной дифференциации» и «Социология»). Ключевое положение первого из этих очерков заключается в том, что с увеличением размера группы ее члены все более разнятся между собой. Во второй прослеживается тот же тезис, но с другой точки зрения: движение от родства к интересу как основа для ассоциации. Малая однородная группа рассматривается как недифференцированное состояние, из которого возникли большая группа и дифференцированные индивиды. Особое внимание уделяется слиянию индивида и группы, когда кровное родство и локальность являются принципами социальной организации; а также тому, как это состояние становится дифференцированным, — лишь определенная часть личности индивида входит в различные ассоциации более специфического характера. Эти два аспекта социальной дифференциации приводятся как отдельные модели развития; Зиммель нигде не сочетает их в едином систематическом анализе.

Связь индивидуальной дифференциации с социологической экспансией проявляется в самых различных содержаниях социальной жизни. Могущественная расширенная семья замещается, с одной стороны, более широкими политическими группировками, с другой — индивидами с их нуклеарными семьями. Корпоративная вина и кровная вражда заменяются правосудием от лица общества и индивидуальной ответственностью. Неспециализированное производство для малых рынков уступает место производству для больших рынков посредством значительной специализации производителей.

Более узкая группа выступает как нечто среднее между расширенной группой и индивидуальностью, т. е. две последние категории представляют те же формальные возможности социальной жизни, что и соединенные в первой. Равновесие между индивидуальной и социальной направленностью сохраняется в любом случае. Чем уже группа, тем меньшей индивидуальностью обладают ее члены, но тем специфичнее сама группа; в крупных группах у индивидов значительнее возможности для

самоопределения, но группы как целостности становятся все более похожими одна на другую. Индивидуальная неповторимость достигается ценой социальной неповторимости.

Эта связь (она существует синхронно, и в чередовании, и в линейных моделях развития) иллюстрируется примером американской политической жизни в период до гражданской войны. Штаты Новой Англии состояли из маленьких поселений, которые поглощали и регулировали значительную часть жизни индивида. А южные штаты были заселены в основном предприимчивыми людьми (авантюристами), не питающими склонности к местному самоуправлению. Они образовывали большие, бесцветные графства как административные единицы, а их реальное политическое единство формировалось на уровне штата. Независимый, почти анархический характер южан дополнялся этой абстрактной политической структурой (штат), тогда как более строго контролируемые граждане Новой Англии создали индивидуализированные и автономные местные общины.

Сферы обычая, закона и морали рассматриваются как сопряженные соответственно с узкой группой, большой группой и индивидом. Почести, формально сходные с обычаем, — это техника контроля *par excellence*, используемая малой группой.

В главе «О скрещении социальных кругов» Зиммель рассматривает развитие человеческих отношений по аналогии с развитием мышления. Для примитивного разума достаточно сосуществования предметов во времени и пространстве, чтобы вызвать ассоциацию между представлениями об этих предметах. Что касается нашего представления о предмете, то, чтобы освободить его от ассоциирования со случайными атрибутами, мы должны осознать этот предмет в его различных взаимосвязях. Таким образом, ассоциации, не соответствующие содержанию предмета, замещаются ассоциациями, основанными на содержании воспринимаемого.

Так и в обществе сначала индивиды устанавливают связи с любым человеком из непосредственного окружения, безотносительно к специфическим качествам друг друга. С развитием общества индивиды начинают устанавливать контакты с людьми, находящимися за пределами первичных групп и близкими им сходством талантов, интересов и деятельности. Как понятие связывает воедино то, что есть у целого ряда различных комплексов восприятия, так и практические соображения связывают вместе индивидов одного склада ума, но вышедших из совершенно чуждых групп.

Эта модель иллюстрируется примером ранней истории университетов, от союзов-землячеств — к факультетам. Точно так же и английские профсоюзы вначале тяготели к чисто локальной организации, которая впоследствии сменилась единой организацией на общенациональной основе. Промежуточная стадия в этом переходе — формирование средневековых групп, в которых индивид стал устанавливать связи за пределами своего локального сообщества. Это достигалось через корпоративную группу — гильдию, монастырь или город. Для современной ситуации, когда индивид осуществляет свой выбор на основании самых разных интересов, характерны и более сложная социальная структура, более дифференцированные и, таким образом, более решительные

личности, и большая социальная свобода.

Свобода. Если можно говорить о доминирующей проблематике в социальной теории Зиммеля, то таковой, несомненно, является комплекс вопросов, связанных с индивидуализмом и свободой. Развернутые обсуждения этих вопросов появляются в каждой из четырех его социологических книг⁶. Достижением, венчающим труд его жизни, должно было стать всестороннее исследование понятия свободы, включая интерпретацию важности этого понятия для действительности и понимания исторического процесса. Можно только глубоко сожалеть о том, что всего лишь 30 страниц записей было сделано к моменту его смерти [4].

Среди множества аспектов и видов свободы, упоминаемых Зиммелем, особое отношение к социологии имеют три: свобода в смысле освобождения от связей с вещами и другими людьми, свобода в смысле развития личности исключительно в соответствии с законами ее природы, свобода в смысле умения выражать свою волю. Поскольку переход к денежной экономике увеличивает свободу во всех трех смыслах, Зиммель уделяет одну шестую «Философии денег» изучению соотношений между деньгами и свободой.

Всеобщее пользование свободой в первом смысле является результатом, помимо всего прочего, количественного расширения группы... Малая группа стесняет индивида как жестким контролем, так и своей численностью. Расширение кругов социальных отношений все в большей степени освобождает индивида от опеки сообщества и церкви, требований класса и экономических групп. Освобождение от этих связей — великий идеал индивидуализма XVIII века.

Деньги приближают осуществление этого идеала несколькими способами. Предоставляя средство концентрации и мобилизации экономических ценностей, они расширяют сферу действительного экономического взаимовлияния — чем больше рынок, тем шире эта сфера. Деньги как имущество освобождают индивида от ответственности, с которой обычно сопряжено владение менее мобильными объектами. Более того, деньги освобождают подданного от множества повинностей перед своим господином, поскольку позволяют ему выполнить свои долговые обязательства, вручив господину такой предмет, который можно приобрести любым способом, по своему выбору: «До отмены всех прав землевладельца в отношении подчиненных, личная свобода не может превышать того уровня, на котором обязательства последних превращаются в денежные платежи, которые господин *должен* принимать» [2, S. 301]. Наконец, будучи прекрасным посредником для безличных отношений, деньги создают ситуацию, когда индивид зависит от огромного множества людей, оказывающих услуги, но при этом остается независимым от них как от конкретных личностей. Любое расширение объективности в социальной жизни влечет за собой соответствующее увеличение индивидуальности.

Свободе как беспрепятственному развитию личности, согласно ее

---

⁶ Левин, видимо, имеет в виду следующие работы Зиммеля: «О социальной дифференциации», «Философия денег», «Социология» и «Основные вопросы социологии. Индивид и общество». — А. Ф.

собственной природе, способствует развитие организации на основе интереса, а не родства. В обществе, состоящем из большого числа групп на основе «интересов», человек может найти коллектив, в котором он реализует каждое из множества своих устремлений, пользуясь всеми преимуществами членства в группе. Независимо от количества ассоциаций (в которых участвует индивид), это предполагает, что его индивидуальность обеспечена уже самой уникальностью констелляции групп, к которым он принадлежит. Такое представление об индивидуализме — человек должен осознать, что в нем уникально, и тем самым отличить себя от всех остальных — нашло свое теоретическое выражение в романтическом движении, а практическое — в разделении труда.

Эта ситуация поддерживается денежными отношениями, ибо деньги способствуют формированию групп на основе чистого целеполагания. Но деньги способствуют тому, что и сам индивид становится более дифференцированным, а не только является побочным продуктом дифференциации общества. Это происходит потому, что деньги предоставляют действенное средство для различения субъективного центра и объективных достижений человека. Участие индивида в чем-либо может быть оплачено, тогда как его личность остается за пределами взаимодействия; или же человека могут поддерживать (многочисленными индивидуальными пожертвованиями), хотя его специфические действия остаются свободными от финансового вознаграждения. Свобода жить согласно собственной природе повышается по мере того, как качества и способности индивида развиваются независимо друг от друга.

Деньги значительно увеличивают свободу и в смысле распространения власти индивида над вещами. Из всех предметов деньги оказывают наименьшее сопротивление «агенту» (действующему индивиду). Они наиболее «владеемы» (possessible.) и поэтому полностью подчинены воле Я. Их можно достать бесчисленным множеством способов. Владение ими может увеличиваться беспредельно. Способам их применения несть числа.

Увеличение свободы — не единственное направление социального развития, однако же и свобода — не единственная ценность, которая должна быть реализована в обществе. Для благополучного человеческого существования необходим определенный баланс свободы и ограничений. Так же как, например, широкое распространение тайных обществ обычно свидетельствует об условиях жесткого режима и политического подавления, т. е. это реакция, вырастающая из потребности в свободе. Ритуальная же регуляция в тайных организациях, напротив, отражает их относительную свободу, т. е. создает условия, при которых человеческая природа держится в равновесии посредством установления норм, противостоящих отвергаемым нормам большого общества.

Перевод С. П. БАНЬКОВСКОЙ

Литература

1. Simmel G. Soziologie. Leipzig: Duncker & Humblot, 1908.

2. Simmel G. Die Philosophie des Geldes. Leipzig: Duncker & Humblot, 1900.
3. Die Philosophie der Mode, Moderne Zeitfragen, XI. Berlin: Pan Verlag, 1905.
4. Über Freiheit: Bruchstücke aus dem Nachlass von Georg Simmel // Logos. XI (1922—1923). S. 1—30.